

маршем по романтике

сегодня закрывается фестиваль «Иоганнес Брамс»

Квартет в составе Доры Шварцберг, Александра Галковского, Александра Рудина и Павла Гилилова стал настоящим ансамблем лишь к финалу концерта Фотограф: Максим Коняев/Газета

Илья овчинников

Камерные программы форума, посвященного музыке Брамса, были поставлены в неравные условия. Вечер секстетов в исполнении молодых солистов — одна из главных удач фестиваля — состоялся в Камерном зале Московского международного дома музыки, зато следующий камерный концерт решили провести в Большом зале, оказавшемся подобной программе явно не по размеру. Составленная вполне выигранно, она произвела неровное впечатление.

Накануне открытия текущего сезона Владимир Федосеев, отвечая на вопрос о Доме музыки, заметил: «По-моему, музыка там пока не поселилась». Верно ли дирижер оценил ситуацию — вопрос субъективный, однако он, вероятно, считает ее поправимой. Об этом говорит не только факт выступлений Федосеева в ММДМ, но и то, что «Немецкий ревиюем» Брамса, исполненный под его управлением на открытии фестиваля, был воспринят многими слушателями как ключевой момент всего мероприятия. Светлановский (Большой) зал Дома музыки более или менее приспособился к симфоническим оркестрам и хоровым коллективам, а они — к нему. Иначе дело обстоит с камерной музыкой, особенно чуткой к акустическому несовершенству любого зала; более того, у камерного репертуара — свой слушатель, для которого дорога в ММДМ еще не стала при-

вычной. В результате концерт с участием Доры Шварцберг, Александра Рудина, Павла Гилилова и Александра Галковского состоялся при далеко не полном зале, а особенности исполнения не всегда можно было отличить от особенностей акустики. Программу открыла Первая скрипичная соната; два месяца назад ее взволнованно сыграл Максим Венгеров, но Дора Шварцберг исполнила сонату совсем иначе. Вместо страстного монолога звучало неторопливое размышление, а первые ноты скрипки скорее прошептала, нежели пропела. Позже тон инструмента стал более властным — жаль, что не до всех точек зала ноты доносились с равным успехом. Более ровной показалась Первая виолончельная соната, позволявшая сосредоточиться не только на проблемах акустики, но и на драматургии сочинения. Виолончель Рудина «повышала голос» лишь изред-

ка, но эта мнимая сдержанность носила весьма скорбный характер. Вторая часть — интерлюдия в духе мюнета — дала слушателю краткую передышку, мгновенно забыв о которой заставили первые же ноты финала — стремительного, увлекающего потока. В целом номер прозвучал удачнее предыдущего, а самая неожиданная интерпретация была впереди. Первый фортепианный квартет Брамса — одна из вершин мировой камерной музыки — предстал с неожиданной стороны. В силу особенностей зала виолончель звучала вдвое громче остальных инструментов, а альт — вдвое тише, однако едва ли в этом была вина исполнителей. Удивительнее был непомерно быстрый темп в каждой из четырех частей, причем стремительное финальное рондо началось неожиданно робко. Сильнее всего слушатели оказались обделены в третьей части, где лирическую кантилену поразительной красоты должен сменить ликующий марш: музыканты с первых же нот заиграли с таким напором, что никакого перепада между двумя настроениями почувствовать не удалось. Это тем более досадно, что во время биса музыканты продемонстрировали прекрасное чувство меры: как показало анданте из третьего квартета, даже самому страстному лирическому высказыванию чужда какая бы то ни было преувеличенность.